

Георг Гегель

Дени Дидро

Жан-Жак Руссо

Вольтер

ЕВРОПЕЙСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ

ФИЛОСОФИЯ

Александр
МАРКОВ

Джон Локк

Томас Гоббс

Иммануил Кант

- Антропоцентризм
- Просвещение
- Утилитаризм
- Позитивизм
- Трансцендентализм

Простыми словами pro

Александр Марков

**Европейская
классическая философия**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 1(091)(4)
ББК 87.3(4)

Марков А. В.

Европейская классическая философия / А. В. Марков —
«Издательство АСТ», 2019 — (Простыми словами pro)

ISBN 978-5-17-108088-4

В этой книге — простое и увлекательное изложение западной философии, которую мы называем классической. Александр Марков не только рассказывает о знакомых нам европейских мыслителях — в его книге классика встречается с неизвестным, и читатель сможет узнать о концепциях философов, имена которых порой незаслуженно забыты. Богатый калейдоскоп — от Аврелия Августина до Карла Маркса и Эдмунда Гуссерля: вы сможете проследить развитие европейской философии от классики до переднего края современной мысли. Вы прикоснетесь не только к привычному западноевропейскому мировоззрению, но и узнаете о работе философов Венгрии, Финляндии, Хорватии и других стран. Для студентов и всех, кто интересуется философией.

УДК 1(091)(4)
ББК 87.3(4)

ISBN 978-5-17-108088-4

© Марков А. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Как в Европе появилась университетская философия и какие проблемы она поставила	6
Особенности средневековой философии	11
Глава 2	17
Почему философы создали университет	17
Разные страны – разные университетские и философские традиции	21
Развитие философского образования в славянском мире	24
Как профессора и студенты вместе создают философское знание	28
Глава 3	30
Что исследует средневековая философия	30
Как была устроена речь философа в средние века	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Марков

Европейская классическая философия

От автора

Предлагаемая книга – краткое изложение того, как думали философы, которых мы называем западными: от Аврелия Августина до Карла Маркса и Эдмунда Гуссерля до наших дней. Хотя мы ориентируемся на магистральную линию философии, объясняя, что сделал Фома Аквинский, что – Бэкон, а что – Декарт, мы раздвигаем привычные географические границы: из книги вы узнаете, какой вклад в общее дело внесли венгерские, финские, хорватские, греческие, португальские и другие философы. А также мы рассказываем про то, как по сей день продолжаются споры, которые на первый взгляд кажутся достоянием прошлых веков.

В этой книге нет биографий философов, нет их афоризмов и мудрых мыслей, точнее, есть, но только когда этого требует изложение материала. Но в ней есть другое: реконструкция того, почему каждый из философов задумался именно над этой проблемой, что его или ее озадачило, что мучило, и как сомнения и решения одного философа разделялись другим или другой. Изложено это не только по географическому признаку, но и гендерному: много внимания в книге уделено деятельности женщин-философов.

Так что эта книга – не просто краткая (хотя мы постарались не упустить ничего важного) и популярная история западной философии, но учебник мысли. Мысли, которая продолжает тревожить и сегодня; мысли, которая не является просто рабочим инструментом философа, его или ее аргументом, потому что мысль нельзя превращать в инструмент; мысли, которая захватывает философа, становится для мыслителя проблемой. Мы войдем в философию и начнем о ней думать.

Мы убеждены, что такое изложение поможет запомнить особенности мысли каждого философа при подготовке к экзамену.

Некоторые считают, что раз философия – самая строгая наука, то она должна быть изложена сухим языком. Наша книга написана просто и изящно. Насколько это получилось, решать читателю. Вместо долгой аргументации, которая бы захватила не предназначенный ей объем книги, ограничусь словами античного платоника Апулея:

«Я пил и из чаш других в Афинах, из поэтической – фантазии, из геометрической – блеск, из музыкальной – сладость, из диалектической – суровость, но лучше всего из чаши всей философии – потому что она неисчерпаема и наполнена нектаром [т. е. бессмертием]. Эмпедокл пел поэмы, Платон – диалоги, Сократ – гимны, Эпихарм – ритмические произведения, Ксенофонт – исторические, Кратет – сатирические: а ваш Апулей почтил всех десятиерых муз с равным усердием и старанием, возможно, проявляя больше решимости, чем способностей, но ведь именно решимость только и может снискать похвалу»¹.

Мне посчастливилось общаться с теми философами, нашими современниками, на которых я ссылаюсь, или хотя бы переписываться с ними. Без этих встреч книги бы не было. Книгу посвящаю женщинам-философам, знакомство с которыми считаю своим счастьем.

¹ Здесь и далее все переводы с латыни, древнегреческого, новогреческого, английского, немецкого и французского принадлежат автору книги. Квадратные скобки употребляются для пояснений, не принадлежащих оригинальному тексту.

Глава 1

Где живет западная философия

Как в Европе появилась университетская философия и какие проблемы она поставила

В истории западной философии некоторые ее направления, например немецкий идеализм Гегеля и Шеллинга, получили название «классической философии». Основоположник этого идеализма – Кант, который выступает как бы законодателем. А что следует строгим законам, то и классика. Некоторые направления, скажем, эмпиризм, позитивизм, сенсуализм, создавали свою классику – сочинения, в которых это учение излагалось наиболее полно и последовательно.

Средневековая философия – патристика и схоластика – имела свою классику: комментируемые тексты. Так, схоластика комментировала Аристотеля, которого называла просто философ, как мы можем, процитировав Пушкина, сказать просто «по словам поэта».

Обо всех этих эпохах и направлениях мы будем говорить в этой книге, поэтому не надо бояться, если некоторые из названных слов для обозначения философских школ и направлений еще неизвестны. В нужном месте мы объясним все во всех подробностях. Сейчас нам важнее другое: в некотором смысле вся западная философия – классика, потому что в ней не было ни одного сколь-нибудь заметного мыслителя, который не обосновывал бы свои решения так, чтобы другие могли за ним это повторить, воспроизвести, принять его аргументацию как блестящую, а если и поспорить с ним и не согласиться, то лишь потому, что философия в своем познании идет все дальше.

На первый взгляд, ответить, что такое Запад, нетрудно – это земли под властью Римской империи или государств, возникших на ее месте. Становится понятно, почему к Западу относятся Бразилия – бывшее владение Португалии, но не Япония и Южная Корея, при всех их успехах в области наук и технологий. Мы отличаем тем самым наследие Римской империи от наследия Арабского халифата или Японской империи. Но при этом Индию или страны Африки мы не отнесем к Западу, хотя они были колониями западных стран, потому что они и в колониальное, и в постколониальное время создавались как заведомо к Западу не относящиеся. Россия относится к Западу как полноправный участник западной политики, но, если взять искусство большинства регионов России, оно не будет воспринято как западное.

В свое время монголы, восприняв многое от китайцев, принесли нам почтовое сообщение, организованное лучше, чем где-либо на Западе, но эту лучшую организацию мы не назовем западной при всей ее эффективности.

Трудно также отнести к Западу Грузию, Армению, Израиль или христианские общины Ближнего Востока, потому что сразу возникает мысль о том, что в системе производства и распространения знания (или искусства) связывает этот не ярко выраженный Восток с Западом.

Так что же делает Запад Западом?

Если мы посмотрим на университеты Индии или Африки, философский или любой другой факультет, мы увидим, что сходства с Западом там будет гораздо больше, чем различий. Получается, что западная философия – университетская философия. На это найдутся возражения, что некоторые выдающиеся философы, такие как Фичино или Лейбниц, не были связаны с университетами, но создавали собственные академии, или такие как Шопенгауэр и Ницше (о них мы тоже подробно поговорим), которые просто покидали университеты, погружаясь в частную жизнь.

Многие мыслители, начиная с первого античного философа природы Фалеса Милетского до нынешнего президента Франции Э. Макрона, были успешными государственными деятелями, министрами, советниками или даже предпринимателями. И хотя некоторые из них преподавали и даже имели учеников, они не видели необходимости в систематическом преподавании своих достижений.

Выдающиеся русские философы Владимир Сергеевич Соловьев в XIX веке или Алексей Федорович Лосев в XX веке хоть и читали лекции в университете, но не имели свободы в выборе курсов, и ничем не защищенные от нападков коллег были вынуждены делать длительные перерывы. Это происходило из-за того, что в российских университетах не было богословских факультетов.

На Западе свободомыслящие философы могли конфликтовать с богословами, но тем не менее обращались к ним как к арбитрам. Например, для внеконфессионального Хайдеггера была важна позиция крупнейшего богослова Рудольфа Бульмана (1884–1976) по вопросу фактичности евангельских событий.

Большей частью русские философы были вольными лекторами, влияя на аудиторию своими статьями, а не систематическим преподаванием. Это также подвергает сомнению роль университета как средоточия философской мысли.

По-разному могло пониматься место философии и в самом университете. В средневековой модели, просуществовавшей с некоторыми изменениями до начала XIX века (хотя созданные в эпоху Контрреформации коллежи, соединившие черты среднего и высшего образования, были альтернативной университету), философский факультет был подготовительным для трех других факультетов: богословского, юридического и медицинского. Иначе говоря, философия понималась как общее образование, формирующее навыки мышления, рассуждения, исследования, которые потом могли пригодиться в выбранной профессии.

Такое понимание науки сохраняется в современных американских университетах: в них господствует аналитическая философия, в центре внимания которой находится логика. Эта философия настаивает на ограниченности языка для правильной формулировки философских вопросов и на необходимости критической проверки любых суждений. Те, кто учится философии, впоследствии может продолжить обучение в магистратуре бизнес-управления или юриспруденции, поэтому им прежде всего требуется строгая логика и умение обходить те или иные языковые ловушки. Им нельзя принимать особенности языкового выражения за истину, иначе юрист поддастся произвольной интерпретации закона, а бизнесмен неправильно истолкует ту ситуацию, в которой оказался, опираясь на незрелые метафоры.

А в средневековом университете философия включала любые науки о природе, поэтому естественнонаучное знание даже может считаться сейчас частью философского знания.

Фридрих Шлегель (1772–1829), один из основателей немецкого романтизма, считал, что философия, обитающая на высотах духа, должна находиться на вершине университетского образования. Пусть студенты заканчивают разные факультеты, но в конце обучения им требуется курс философии, чтобы понять, что учились они не зря, и изученные ими понятия и ряды мысли имеют отношение не только к их роду занятий и профессиональным интересам, но и к познанию всего мира как такового и общению с этим миром. Отчасти этот идеал реализован в нашей стране: в философскую аспирантуру иногда идут выпускники, которые получили диплом по физике, химии или, например, филологии.

В некоторых странах, например во Франции, высшее образование – это постоянное совершенствование в профессии, поэтому общее изучение философии проходит в старших классах школы. Если кто-то специализируется по философии в университете, то исследуется не какой-то отдельный вопрос, а осваиваются навыки публичной аргументации по разным основополагающим и историческим аспектам философии, чтобы доказать любой комиссии, что ты профессионал высокого класса не только в области дела, но и в области самой мысли. Поэтому

современный французский философ обычно очень эрудирован, умеет выступать перед самой разной публикой, хочет влиять на образ мышления современников и даже на политику.

В большинстве стран Европы философия – университетская специализация: выпускники философских факультетов становятся преподавателями, консультантами или писателями. Но это не значит, что студенты других факультетов проходят мимо философии. Они слушают или философские курсы, или курсы по другим дисциплинам, связанным с философией: это может быть общая психология, теория кино или методы изучения истории.

Студенты технических специальностей вполне могут выбрать, скажем, историю науки в контексте истории культуры, философию природы или практику ведения диалога. В России студенты любых специальностей слушают курс философии, хотя его содержание может и не охватывать всех философских вопросов. Обязательными частями такого курса являются краткая история мировой философии, включая восточную; основные проблемы философской теории, как они были сформулированы классическим немецким идеализмом (дух и материя, сознание и самосознание, мысль и язык и другие), а также современная философия науки.

В некоторых странах, например в Германии, философские факультеты рассматривают себя как мост между естественнонаучным и социальным знанием: только философы смогут достаточно уверенно отличить, чем законы природы отличаются от законов общества. В Великобритании философия понимается как отчасти экспериментальное знание, производящее эксперименты не только с природой, но и с мышлением. Во Франции особое внимание философии уделяют гуманитарии: философия учит добиваться целей при обладании минимумом ресурсов: когда у тебя нет ни лаборатории, ни производства, а есть только бумага и карандаш и умение выступать перед публикой.

Но какой бы ни была модель философского образования в университете, никогда влияние философа не ограничивается его или ее непосредственными учениками, оно распространяется косвенно на весь университет. Это может быть живой интерес коллег к достижениям философов, может быть определение структуры программ и даже устройства досуга студентов, может быть постановка острых вопросов для дискуссий или влияние на культуру дискуссий во всем университете. Как бы там ни было, университет оказывается главным местом для философии, ее домом и ее лабораторией. Именно в университете философия становится «западной», даже если это философия Конфуция или Ибн-Сины (Авиценны) – она становится предметом формулировок, обсуждения, пересказа, спора, применения. Она уже не просто благоговейно передается от учителей к ученикам и определяет образ жизни, она становится частью университетской культуры, включающей и спор, и убеждение, и удивление, и сомнение.

Мы уже упомянули выражения вроде «философия Конфуция» или «философия природы», или «философия права». Такие выражения понятны в контексте западной философии, но были бы непонятны в античной (и той части средневековой философии, которая прямо наследует античную) или в арабской философии. Для нас это разделы философии: эта наука настолько могущественна, что вобрала в себя учения Платона и Конфуция; что может изучать право и искусство как отдельные разделы; ей подвластны даже философия человеческих отношений или сложных социальных систем. Везде философии есть что сказать. В античности эти выражения были бы поняты иначе: философия права означала бы не философское теоретизирование о праве, но способность права быть философским, стать носителем философии; как и, например, философия политики означала бы не взгляд философа на политику, а способность строить политику на философских основаниях, как это было у Платона. Философией человека называли бы не исследование человека, а способность каждого из нас жить жизнью философа: именно в этом смысле «философией» в христианских кругах могли называть добродетельную или монашескую жизнь. Тогда как университет со своими лекциями, дисциплинами, исследовательскими программами навсегда изменил смысл слова «философия».

В отличие от других средневековых корпораций со своими цеховыми секретами, университет был открытой корпорацией, доступной для всех, кто смог сдать экзамен. Так, университет стал первым местом научной публичности. Потом эта публичность далеко не всех радовала: например, для ренессансных гуманистов она была грубоватой, а для королевских дворов новой Европы – слишком консервативной. Поэтому как альтернатива университетам создавались разные академии, как более свободные научные кружки, где можно было вести себя смелее, чем в университете.

Скажем, в Италии академии часто носили шуточные названия, например Академия отрубей во Флоренции, созданная в 1583 г. Они имели свои обычаи и ритуалы. А Лондонское королевское общество, открытое в 1660 г., оказалось в авангарде новых естественных наук, признавая не авторитеты, а только эксперимент. Кому не нравилось, что в университетах учат по книгам, те создавали академии и лаборатории. Созданная в 1887 г. лаборатория Луи Пастера, как показал ее современный нам историк науки Бруно Латур, имела успех не потому, что получила хорошие результаты в борьбе с болезнями, но потому что была устроена не как университет, а как бюро, и поэтому легко взаимодействовала с государственной бюрократией. Но важно, что университет был публичным пространством; а что это такое, поясню одним примером.

В 2000-е годы одна молодая исследовательница написала про торговые центры как публичное пространство: туда может прийти кто угодно, найти себе досуг по душе и просто пообщаться, ничего не покупая. На это старший коллега возразил, что торговый центр вовсе не так свободен – он рассчитан на то, чтобы люди покупали, заманивает их в ловушку и контролирует их перемещение и совсем уж неудобен для свободного общения: и стулья расставлены, и освещение поставлено так, чтобы посетители общались недолго, а шли бы, скорее, за покупками. По сути, оба правы, просто смотрят на вопрос под разным углом, исходя из личного опыта или опыта своего города. Для молодой исследовательницы важно, как молодежь может присвоить себе чужое пространство, скажем, сесть за столики, предназначенные только для еды, и начать переписывать конспекты друг друга. А для старшего ее коллеги, давно уже преподавателя, важно, что есть нормы дисциплины везде – и в университете, и в торговом центре. Только в университете они подчинены поиску истины, а в торговом центре – коммерческим задачам этой организации.

Заметим, что для обоих оппонентов торговый центр – место, где могут появиться студенты, и о студентах они думают больше, чем о других посетителях, только по-разному понимают отношения между студентами и этим пространством.

Средневековый университет, бесспорно, был публичным пространством, самым открытым местом в городе, где можно было встретить студентов из любых стран и краев, любого происхождения и воспитания. Единство этого публичного пространства поддерживалось культурой диспута: средневековые диспуты на защите диссертации или же между профессорами могли длиться несколько дней, хотя чаще не больше дня – по библейскому завету примиряться до заката солнца. На диспут мог прийти кто угодно, как и на лекции, то есть чтения: в такой открытости профессоров окружающему миру опять же видели выполнение требования апостола давать ответ о содержании веры любому спрашивающему.

Об университете как о публичном пространстве говорит слово «кампус», впервые употребленное в Принстонском университете, созданном в 1746 году в Америке. Кампусом, буквально лужайкой, в древнем Риме называли центральную часть Форума: на Форуме находилось множество храмов и лавок, а центральная часть была свободна, и там могли проходить любые обсуждения и дискуссии. Так и в Принстоне: в центре корпусов различных факультетов был кампус, где представители разных специализаций могли сойтись и обсудить вопросы, как научные, так и административные.

Итак, университет – не просто место, где одни учатся, а другие учат. Это место «современности» в том смысле, что любое знание не существует только как когда-то полученный

вывод, но как то, что может быть употреблено прямо здесь и сейчас независимо от того, как задумывал употребление этого знания тот, кто его добыл. Чтобы пояснить эту мысль, приведу еще один пример. В одной дискуссии профессиональный искусствовед возмущался комментарием знатока искусства, восхищавшегося воздействием эффекта прямой перспективы в ренессансных произведениях. Профессионал указывал, что для ренессансного живописца важны сюжеты, тогда как перспектива остается служебным техническим приемом. Благочестивый живописец думал о Благовещении, а не о схождении точки на горизонте.

Но можем ли мы сказать, что в произведении искусства есть только то, что даже не вкладывает, а просто оценивает в нем художник? Или все же наша современность, в которой мы задеты данным произведением искусства, тоже имеет значение? В университете во все века существовали «антикваристы», консерваторы, допускавшие для вещей только те смыслы, которые в них вложены с самого начала, и «модернисты», творческие люди, смотревшие, как разные смыслы работают прямо здесь и сейчас. Этих людей разъединяет все, а объединяет лишь одно – критическое мышление: ничего не принимается наивно, пока мы не поняли, по каким законам это работает и при каких условиях может существовать, а при каких – нет.

Особенности средневековой философии

Критическое мышление, которое часто называют главной особенностью западной философии, проще всего представить, как умение отличить истинные суждения от ложных, даже если последние имеют вид истинных. Например, суждения «Люди равны от природы» и «Люди неравны от природы» – оба кажутся истинными: они построены одинаково и могут собрать в свою пользу многочисленные примеры и доказательства. Тем не менее первое суждение истинно, а второе – ложно, потому что в первом случае мы имеем дело с устойчивым свойством природы, проявляющимся, скажем, в равенстве всех перед смертью, а во втором случае незаконно связываем два несовместимых понятия, социальной практики (неравенства) и природной жизни, которые не могут быть внутри одного суждения.

Так как все люди приходят к суждениям с различным опытом, общность суждений представляет собой не обобщение опыта или приведение его к какой-то усредненной форме, но отношение, при котором критическое принятие позиции другого оказывается и частью твоего критического мышления. В данном случае человек оказывается и субъектом критики, осуществляя критическое мышление, и объектом критики как способный воспринять предпосылки чужого мышления как задевающие его.

Установление причинных отношений между явлениями – главная задача разума. Различение ума и разума – одно из важнейших положений западной философии. Ум – начало созерцания, ум проникает в сущность явлений, ум позволяет осмысливать общие законы существования. А разум – начало различения, разум позволяет отличить частную закономерность от общей, отдельный случай от повторяющегося, содержание нашего знания от текущей его формы. Поэтому ум можно отождествить с совершенством бытия, а разум – с присутствием, участием в тех вещах, которые он познает, их формулировкой и выражением.

В средневековой философии Бог как совершенный ум понимался и как совершенство бытия, и как совершенство добра и красоты. Для нас эти отождествления не вполне убедительны: мы скажем, что красота относится к ведению вкуса, добро – к социальному регулированию, а бытие настолько несомненно, что никак не зависит от нашего индивидуального или социального опыта. Но для средневековой философии умопостигаемое бытие заведомо содержит в себе «модусы» (способы осуществления) и добра, и красоты. Если Бог карает грешника, то потому, что способ осуществления добра включает в себя и наказание зла.

Именно этим объясняется главная особенность средневековой философии: в ней причины всегда выше и больше следствий. Мы привыкли к тому, что большие следствия получаются из маленьких причин: крошечный вирус причиняет серьезное заболевание, а из простейших форм жизни развиваются все более сложные. В средневековом мышлении не так: Бог как полнота бытия оказывается причиной частных вещей и явлений. Причина – это не просто повод, это основание существования, даже если это основание находится высоко в небесах, оно должно быть тверже, чем то, что на нем основано.

Также иначе в эпоху создания университетов понималась истина. Для нас истина – правильное утверждение или совокупность правильных утверждений. Представить, чтобы истина была живой, деятельной, меняющей мир, нам трудно – разве что мы на основании истины сформулируем норму, согласно которой мы будем преобразовывать окружающий мир. Но средневековая истина – это полнота существования. Бог не просто «есть» как таковой, он «существует» в полноте своего бытия, и это существование и есть истина. Поэтому истина никогда не познается до конца, но при этом Бог познается и познается как истина, и это познание дает счастье познающему. В западном богословии истина оказывалась в чем-то близка аристотелевскому понятию «энтелехия» – окончательный вид существования вещи, а в византийском богословии, в конце концов, была сближена с другим аристотелевским понятием –

«энергия», постоянная деятельность Бога, отличающаяся от сущности и познаваемая при этом как несотворенная, раз познается истина, а не содержание.

Слово «сущность» также нуждается в объяснении. Мы часто отождествляем сущность с содержанием и с родовой принадлежностью. Например, говорим, что сущность апельсина – это что он фрукт. Точно так же мы часто отождествляем смысл с использованием, скажем, говорим, что смысл автомобиля – в том, что мы можем на нем ехать. Но для средневековой философии сущность предшествует делению вещей на роды и виды, а это деление на роды и виды устанавливает смысл, а не сущность. Средневековый богослов или философ сказал бы, что сущность апельсина – в том, что он сотворен Богом, а смысл апельсина – в том, что он существует не в единичном экземпляре, но как вид.

Западные средневековые философы, например Фома Аквинский, строго разделяют «сущность» и «существование». Первое – ответ на вопрос «Что?», а второе – на вопрос «Как?». Например, сущность человека – быть разумным существом, а существование человека – осуществление его разума, способность понимать и постигать вещи. Знание сущности помогает нам отличить одну вещь от другой, тогда как знание существования позволяет понять, как именно эта вещь может и действовать среди других вещей, и вообще быть среди других вещей.

Для отдельной вещи существует слово, которое означает самостоятельное существование: «субстанция» по-латыни, «ипостась» по-гречески, буквально, «состоятельность». Одна сущность может быть у нескольких самостоятельных существований: скажем, людей много, но каждый из них – человек. Сущность Бога одна, но Отец, Сын и Дух существуют самостоятельно, хотя, в отличие от людей, обладающих каждый своими уникальными свойствами, лица Троицы направляют свои свойства друг на друга: если Отец рождает Сына, то Сын рождается от Отца. Иногда как синоним употреблялось слово «лицо»: имелось в виду юридическое понятие правомочного лица, способного самостоятельно действовать, юридической полноты прав, для осуществления которой и нужно быть опознанным как отдельное «лицо».

Но как быть с тем, что, скажем, человек состоит из тела и души? Душа включает в себя и ум, и разум с чувствами, и волю, а тело растет, меняется, умирает. А все очень просто: они не только «связаны» друг с другом, так что только смерть их разлучает, но они находятся в отношении друг с другом, и главное в них – не как им быть, а как им относиться друг к другу. Душа придает телу форму, и когда душа покидает тело, оно утрачивает свою форму, разлагается. И тело оказывается подспорьем души, она чувствует с помощью тела, пользуется телом, и тело позволяет душе жить среди вещей и существовать полноценной жизнью.

Получается, что если душа и тело находятся в некоторых отношениях, то отношения между вещами, не так связанными, определяются уже их принадлежностью к определенной понятийной категории, их интеллектуальным содержанием, способностью вынести о них категориальное суждение: это сотворено, это отдельно, а это бывает. Такое представление о наличии кроме категорий как логического инструмента упорядочивания еще и категориальных суждений (предикабилей), связывающих вещи как способные находиться в какой-то связи, было утрачено в новой философии. Поэтому приходилось вводить разного рода замены: всеобщие законы природы, как это сделал Ньютон; непосредственную волю Бога; чтобы вещи были такими, а не другими, вели себя именно так, а не иначе, как Беркли и Мальбранш; достаточное основание существования, как Лейбниц; «трансцендентальный синтез апперцепции» (восприятие всех вещей связанными как способных себя связать в том числе в нашем понимании), как Кант.

Такой поворот в философии сказался и в науке, когда эксперимент стал главным способом придать суждениям общеобязательность, показать, что они действительно работают и в искусстве, где стала цениться творческая индивидуальность, а не решение задач внутри готового канона. Меняется сам стиль философской работы: из философии нового времени уходит комментарий как постоянное уточнение собственной позиции, напротив, любая фило-

софская позиция должна держаться на собственных основаниях и быть изложена в ярком и убедительном выступлении. Если философ нового времени и пишет примечания, как Гегель, то только благодаря индивидуальной склонности воспроизводить интеллектуальные обычаи прежних эпох, а не в силу профессиональных требований к философу.

На первый взгляд при переходе от средневековой к новой философии мало что меняется: для старой мысли нормативно различие между умопостигаемыми и чувственными вещами, но и Кант различает умственное (ноумен) и чувственное (феномен). Мы и в нашей бытовой речи никогда не спутаем умственное построение и ход событий в окружающем мире. Но для средневековой мысли умственное – высшая реальность, это те вещи, которые любезны уму, любимы им и пробуждают любовь. Даже если это этически дурные вещи, как падшие ангелы или страсти, все равно только любовь может оценить их безобразие.

А у Канта умопостигаемой может быть любая вещь, раз она является предметом не только использования, но и созерцания, опознания ее в качестве вещи. Кант ее так и называет – «вещь в себе», или правильнее было бы перевести «вещь сама по себе», «вещь как она и есть». Никакого ценностного преимущества небесных вещей над земными у него нет. Там, где средневековая мысль говорила о восхождении к высшим сущностям, новая мысль говорит о самих условиях, при которых мы можем познать какие-либо сущности. После Канта философы могли уже спорить, дает ли, например, искусство или правильная формулировка доступ к реальности как таковой, или мы можем располагать только теми данными разума в отношении реальности, которые у нас заведомо есть, но уже нельзя было просто говорить, что высшая реальность настолько ценна, что она становится привлекательна для нас и влечет к себе и возвышает. Можно было такое утверждать, но при одном предварительном условии, что мы полностью разобрались с возможностями и ограничениями нашего познания.

Иначе в новой философии понимается истина: не как достояние реальности и ума одновременно, но как такое отношение к вещам или такое суждение, которое не окажется опровергнутым при дальнейшем развитии этого отношения или раскрытии этого суждения на последующих примерах. Истина старой философии состояла в созерцании, а новой философии – в непротиворечивости самих условий созерцания.

Сразу уточним, что слово «созерцание» в философии никогда не означает просто любопытство или ленивое наблюдение. Напротив, созерцание – напряженное интеллектуальное переживание, позволяющее видеть действия и сами условия этих действий. Только созерцание в старой философии – это созерцание прежде всего действия, происходящего в области вещей разных видов, что с ними может еще произойти, тогда как в новой философии созерцание – исследование самих возможностей вещей стать предметом созерцания.

Средневековую философию иногда называют служанкой теологии, что верно только в одном смысле: теология, она же богословие, понималась не как формулировка готового церковного учения, но как возможность средствами разума созерцать те вещи, которые для философии проблема, а для теологии – непосредственный опыт, такие как милость Божия. Тогда философия созерцала, а теология переходила от созерцания к самому предмету созерцания.

Слово «теология» появляется во времена Платона и означает рациональное учение о богах в противовес мифологии, состоящей из противоречащих друг другу сказаний, отличающихся от одной области к другой и потому не поддающихся непротиворечивой систематизации. Как языческая, так и христианская теология – точная наука, как и математика, она исходит из аксиом (догматов) и на их основании строит теоремы (богословские рассуждения).

Языческая теология была по преимуществу катафатической, выводившей порядок богов из их свойств. Христианство, как и вообще монотеистическое богословие, не могло довольствоваться только катафатикой, одними положительными утверждениями о свойствах Бога, ведь тогда получилось бы, что Бог может быть сведен к отдельным свойствам, каждое из которых принадлежит порядку сотворенного им мира, а значит, не может передать всемогущество

Творца. Так появилась апофатическая теология, задача которой – сказать, чем Бог не может быть. Если мы говорим «Бог вечен», то это еще катафатическая теология, мы приписываем Богу какое-то свойство, которое как-то сами постигаем и классифицируем, и значит, чтобы наше высказывание было достаточно почтительно к Богу, мы должны понимать, что мы работаем с некоторыми знаками, и знак «вечность» помогает лучше постичь Бога как еще и всемогущего создателя, а не только вечно существующего. Тогда как если мы скажем «Бог выше всякой вечности и всякого времени», мы окажемся уже в апофатической теологии, отрицающей любые готовые знаки и постигающей Бога с помощью символов и образов, которые отрицаются. Вечность и время оказываются двумя сторонами одного поэтического образа, но от обеих сторон надо отказаться, чтобы непосредственно созерцать Бога. Приведем обоснование катафатической и апофатической теологии неоплатоническим христианским философом, последователем Прокла, выдававшим себя за ученика апостола Павла Дионисием Ареопагитом:

«Помолимся, чтобы мы из над-бытия пропели гимн Тому, кто над бытием, вычитая любое бытие: как творящие талантливую статую, вычитают всё прибавочное как препятствие к чистому рассмотрению сокровенного. Только при таком вычитании сокровенная красота начинает себя показывать.

Нужно, думаю, такие отрицания воспеть за счет утверждений. Когда мы утверждаем, мы начинаем с первичного и через среднее доходим до окончательного, до самого низа. А когда мы отрицаем, мы идем от самого низа к первичным началам, чтобы постичь то неведение, которое скрыто во всяком бытии за известным всем, – и тем самым постичь тот мрак над всяким бытием, который скрыт от нас светом, лежащим на всякой вещи бытия.

(...) Почему, спросишь ты, утверждения о Боге мы начинаем с первичного, а отрицания о Боге – с самого последнего? Потому что утвердительное положение убедительно начнется ближе всего к превосходящему всякое возможное утверждение. А отрицание чего-либо в превосходящем всякое отрицание убедительнее всего начнется с отрицаний самого далекого. Разве Бог не в более величественном смысле жизнь и добро, чем он воздух и камень? И разве не лучше начать с того, что Бог не пьянеет и не сердится, чем что не говорит и не мыслит?

Вообще не для нее [Причины – это слово выступает как имя Божества] утверждение или отрицание; и если мы творим ей утверждения и отрицания, мы ничего не прибавляем и не отнимаем – потому что она выше всякого утверждения, как совершенно неповторимая причина для всего, но и выше всякого отрицания, как превосходящая своей отрешенностью совершенно всё, запредельная всему».

Греческое слово «ересь», латинское «секта» означало в античности философскую школу или вообще публику, толпу приверженцев, а главное, людей, ведущих сходный образ жизни. Утверждение христианского правоверия против «ересей» имело в виду прежде всего последнее значение: в сравнении с требованиями правоверия эти образы жизни, даже при всей добродетельности, казались очень частными, как будто не имеющими будущего. Разумеется, в книге по философии нет места обсуждению церковной политике. Но когда Фома Аквинский порицал учение Аверроэса (Ибн-Рушда) как ересь, хотя Ибн-Рушд никогда к христианству не принадлежал, имелась в виду подмена общего частным: для Фомы учение о «двух истинах», о том, что логика богословия отличается от логики естественных наук, означало, что любое знание замыкается в частности своих положений.

Философия во многом определила книжную культуру Запада. В античности тиражировать книги было нетрудно: достаточно было посадить рядом сто грамотных рабов, и под диктовку они писали сто экземпляров. В средние века книга писалась для употребления в монастыре, светской корпорации, объединенной вокруг своего церковного здания, а позднее в университетской корпорации. Тогда каждая книга была уникальна, как уникально любое монастырское и вообще церковное имущество. Тираж такой книге был не нужен, но нужны были философские традиции вдумчивого чтения, обсуждения, комментирования.

Первый кризис эта система испытала в эпоху Возрождения. Новая культура передвижения по миру потребовала карманных книг, библиотеку стало возможно возить с собой. Значит, книга перестала быть принадлежностью корпорации, неотделимой от традиций ее бытия, а становится предметом индивидуального пользования. Навстречу легконогим итальянцам идут германцы, изобретшие книгопечатание: хотя первые печатные книги мало чем отличались от рукописных по размерам и оформлению, само тиражирование книг означало, что книга может появиться где угодно, что создание книги уже не ремесленное, а интеллектуальное действие, импровизация, а не наследование готовым традициям чтения. Уже здесь появляется такая особенность новой философии, как понимание мышления не только как системы созерцания, но и как системы действенных импровизаций.

Первым признаком возникновения новой философии стало расширение круга авторитетных книг. Для деятелей Ренессанса Марсилио Фичино или Пико делла Мирандола Платон или древнеегипетская мудрость были не менее авторитетны, чем библейская. Появляется понятие «первоначальное богословие» – простых утверждений о Боге, которые объединяют все религии и оказываются первой общей мудростью человечества. Учение о первоначальном богословии позволяло примирить противоречия между авторитетными книгами, заявив, что любая книга важна как самостоятельное толкование этого первичного богословия, и преимущество Библии – только в том, что она оказывается не только предметом, но и инструментом толкования.

Точно так же Ренессанс понял и античное литературное наследие: оно было важно и как инструмент, позволяющий оценить неурядицы современной политики, и как предмет, вокруг которого можно выстроить другие предметы, в амбициозном проекте сделать современность величественной. Как и в идее первоначального богословия, так и в идее восстановления классической литературы прежнее средневековое соответствие всех вещей, когда любая вещь может оказаться знаменем исторических событий, корни которых в библейском назывании вещей, оказывается заменено непреодолимым различием подлинного и неподлинного. Подлинное – это древнее, так как оно переживает собственный опыт как существенный, тогда как домыслы, догадки, сопоставления чаще затемняют дело, чем проясняют его.

В старой средневековой философии понятие о языке было только как о физиологической способности, так же отличающейся у разных народов, как особенности телесной пластики или кулинарные привычки. Ведь все вещи в мире указывали друг на друга, как часть библейского мира, оказавшаяся прямо здесь, и в этом смысле и создавали язык для понимания Библии, а через Библию – происходящего вокруг. Как только появляется современность, появляется и язык, то есть способность произвести смысл прямо здесь и сейчас, из подручных материалов, не привлекая все вещи, которые копились предшествующие века.

Слово «современность» (*modernitas* и его производные в разных европейских языках) появляется сначала просто как указание на авторов того времени в противоположность античным. Но если говорить совсем просто, современность – это время, когда факт имеет свою структуру, независимо от того, какое положение он занял в отношении библейской истории или мировой истории. Современность – это необходимость принять факты как таковые, не видя в них лишь знаки того, что повторяется или что закономерно наступило, в том числе принять факты как нечто совершенно уникальное и неожиданное. Даже если приверженцы «первоначального богословия» истолковывали древние тексты как символические, все равно они подражали этим текстам как совершенным, воспроизводя их, подражая им, подражая древним богословам так же, как древним ораторам. Именно поэтому ренессансная мистика полюбила поэзию: ведь поэзию в средние века привыкли толковать иносказательно, а теперь иносказания можно было превратить в доказательство сродства этих поэтических текстов с богословскими текстами, и использовать и те, и другие для совершенного истолкования отдельных фактов.

Конечно, тогдашние философы вполне понимали, что любой текст создается в определенное время и в определенном месте. Но само это время и место было лишь рамкой для факта, который нужно было толковать во всей его убедительности, чтобы и современная история стала убедительной. Этот проект был вполне эффектен, пока все искусства были объединены в каком-то едином зрелище. Но уже для Леонардо да Винчи языки разных искусств становятся непереводаемыми. В его «Споре между поэтом, живописцем и скульптором» ни один из участников не может сказать все и сразу: живописец может показать вещь целиком, но не в движении, а поэт может показать вещь в движении, но его описание идет от одной детали к другой и никогда не схватывает целого. Преимущество живописи оказывается в том, что она может представить множество вещей единомоментно, и отсюда уже путь к философии Декарта, понимающей познание как мгновенное схватывание очевидности в качестве наиболее убедительной картины вещей, чему соответствует открытие прямой (геометрической, воздушной) перспективы в живописи и военном деле. Перспектива позволяет уже не столько наблюдать за явлениями, вписывая их в готовый опыт, сколько моделировать в том числе неготовый опыт, опираясь на известные или предполагаемые свойства вещей. А что происходит дальше, этому посвящены уже следующие главы нашей книги.

Глава 2

Философия в университетах живет по-разному

Почему философы создали университет

Жители средневекового города были объединены в цеха и корпорации. Права и обязанности каждого определялись принадлежностью к корпорации: башмачников, оружейников, сукновалов и пр. Не принадлежали к корпорациям только люди, занимавшиеся запретными профессиями: палач или содержатель публичного дома не мог входить в церковь и даже жил обособленно от всех. Остальные ходили в церковь и хранили там знаки своей корпорации. Особенность западного клира – принадлежность не просто к Церкви, но к отдельным орденам, со своими уставами. Можно, было, конечно, совершать служение просто в епархии, на основании общего канонического права, но центрами производства знаний все же становились монастыри, и в некоторых из них располагались первые университеты, потом на средства учредителя и учащихся обзаведшиеся собственными зданиями.

Universitas litterarum, буквально «общность ученых занятий», возникает тоже как корпорация. Слово «университет», просто «общность», подразумевало, что в него могут быть приняты любые люди независимо от происхождения. Итак, начальные свойства университета: 1) университет принимает всех, откуда бы человек ни пришел, лишь бы он отвечал требованиям; 2) университет находится на собственном обеспечении, будучи самостоятельной корпорацией, не завися ни от властей, ни от других корпораций; 3) университет имеет собственные законы, отличающиеся от законов других корпораций, и все в университете должны их соблюдать.

Другое средневековое название университетов, «общее училище» (*studium generale*), сопоставляло учебу в университете с обучением цеховому ремеслу, скажем, оружейного мастера или ткача; как и цех, университет имел «мастеров» (магистров), давал лицензии, проводил экзамены. Только обучение в университете было «общим», что означало и общедоступность, и изучение общепользовательных вещей, таких как юриспруденция и медицина.

Конечно, над любым средневековым цехом стояла судебная власть. Но над европейскими университетами был полномочен только один суд – церковный, суд местного епископа или, при необходимости, суд римского папы. Такое подчинение университетов Церкви позволило им довольно быстро развиваться: если даже в соседних городах местное право могло различаться, то церковное каноническое право было единым для всего Запада, и студент всегда знал, что он будет защищен как клирик.

Парижский университет не позднее 1198 года получил буллу папы Целестина III, приравнивавшую всех преподавателей и студентов к клирикам. В 1200 году французский король Филипп II Август признал автономию университета и не применял к его сотрудникам и учащимся светское законодательство. Повод к такому признанию оказался скандальным: после драки в кабаке несколько студентов были убиты полицией при задержании. В ответ университет пригрозил приостановить выдачу дипломов, без которых клирик не мог совершать церковную карьеру. Такой протест не был нужен ни церковным, ни светским властям, так как королевский двор все время пополнялся вышедшими из университета учеными людьми. В 1215 году папа Иннокентий III объявил университетское образование необходимым для важнейших церковных служений, и в Париж со всей Европы хлынули желающие учиться.

В Англии автономия университетов была признана в эти же годы после забастовки, длившейся целых пять лет. Профессора Оксфорда были обвинены в убийстве женщины и арестованы, и университетские коллегии потребовали их немедленного освобождения. Слово

«коллегия», или колледж, означает «совместно избранные», иначе говоря, люди, принятые в корпорацию примерно в одно время. Профессора Оксфорда считали себя так же прямо подчиненными римскому папе и не шли ни на какие переговоры с властью. Не имея заработка, часть из них перебралась на континент, а часть – в Кембриджскую школу, которая благодаря такому переезду так же получила статус университета.

Главное для нас в этих событиях то, что университет учреждался, за редким исключением вроде Неаполитанского, созданного Фридрихом II, папской буллой², и таким образом все преподаватели университета автоматически объявлялись клириками. В восточнохристианском мире учебные заведения также получали от патриархов «ставропигию» – право напрямую обращаться к ним, минуя местного епископа, прямое подчинение (например, ставропигия Львовского братства и его учебных заведений, полученная в 1586 году), и там профессора (по-гречески, категеты или дидаскалы) были фактически в административном аппарате патриарха.

Университет сразу создал лекцию как главную форму изучения наук, соединявшую внимание к тексту и непосредственный переход к комментированию. Учащиеся следили по готовому тексту за лектором чуть ли не до конца XIX века. Это умение следить по тексту требовалось не только студентам: на многих средневековых и ренессансных изображениях Благовещения Святая Мария держит книгу во время разговора с архангелом. Она читала библейские пророчества, и архангел объяснял ей, как они исполнятся. Конечно, можно было признать Мадонну непорочной и прекрасно понимающей все пророчества, но ясное понимание символов не отменяло того, что архангел как профессор ей истолковал ей эти символы словами. Так профессор показывает, как применить готовое знание, и как это применение соответствует общей логике мироустройства. Можно сравнить это с тем, как сейчас студенты внимательно перед началом семестра изучают учебные планы.

Университеты никогда не оставались одиночками: параллельно с ними существовали монастырские школы, низшие грамматические школы, выполнявшие местные задачи и потому не нуждавшиеся в превращении в университет по указу папы, а начиная с эпохи Возрождения – самообразование и частные уроки. Но все эти типы учебных заведений были объединены общим свойством: мультимедийностью занятий. Лекция читалась как комментарий к книге, которая была у учащегося, использовались схемы и таблицы, вместе рассматривались, пояснялись и обсуждались одни и те же вопросы. Такая наглядность устной и письменной речи и стала основой диспутов, неведомых восточной мудрости: поэтому средневековый Запад, а не средневековый Восток преуспел в развитии критического знания. Хотя Аристотеля переводили с арабского, и поэзия трубадуров создавалась под влиянием любовной поэзии халифата, но диспутов исламский мир не знал, кроме богословских споров, которые могли быть сколь угодно жесткие, но это не публичный диспут, а специальное выяснение богословских истин. Православная Византия в этом отношении стояла ближе к исламскому миру, чем к католическому Западу: ее сотрясали богословские споры, в которых могли принимать участие даже императоры, откладывая государственные дела ради создания догматических формулировок, но эти споры велись только для того, чтобы больше никогда не повториться: одни будут объявлены правомыслящими, другие – еретиками, и жизнь продолжится.

Вторым в Италии, после основанного в 1088 году Болонского университета, стал университет в Ареццо, открывший свои двери в 1215 году. Возник он просто – в Болонье уже не помещались все желающие учиться, а Тоскана оказалась удобным местом потому, что многие тосканские аристократы, принадлежавшие партии гибеллинов, иначе говоря, сторонников императорской, а не папской власти, хотели выучить своих детей на юристов, чтобы партия гибеллинов смогла во всех спорах брать верх над партией гвельфов, в которой было сильное

² Булла (букв. «круглая печать») – учредительный документ, изданный римским папой. В восточнохристианском мире ему соответствует томос («том», коллективно подписанный уставной документ) или простое письмо патриарха.

влияние духовенства – и поэтому Аретинский университет был не просто первой местной, но первой партийной школой.

Уже в 1222 году возникает Падуанский университет, но по другой причине – некоторые из преподавателей Болоньи были недовольны, что их академические свободы стеснены, что им запрещают говорить, что они думают. Чтобы привлечь студентов в новый университет, программы были расширены и включали в себя уже не только медицину и право, но и все свободные искусства. Именно в Падуе философия стала отдельным направлением подготовки, а не просто одним из общих курсов: философия противопоставлялась при этом диалектике как простому искусству рассуждения и включала в себя элементы естественнонаучного и даже экспериментального знания.

В Падуе одна корпорация поддерживала юристов, а другая – богословов и медиков, и для того чтобы усилить область общих знаний между богословами и медиками, и было расширено преподавание философии.

Особенностью итальянских университетов было также наличие землячеств: студенты из Италии и студенты из остальной Европы имели разные кассы, из которых оплачивали за проживание и обучение. Такая система землячеств способствовала влиянию студентов на содержание программ, чего не было, например, в Сорбонне, хотя и там, и там, например, значимость медиков в университете определила популярность Аверроэса, арабского комментатора Аристотеля и придворного медика в исламской Андалузии, чье умение описывать мир как автономную систему было понятно будущим врачам, хотя и беспокоило схоластических богословов. Ведь для схоластики важно, что само знание имеет какую-то причину не в самой системе мира, а вне ее, а значит, об автономии систем говорить в схоластике невозможно.

Во Франции, в Тулузе, университет появился в 1229 году, а в Монпелье – в 1289-м.

Граф Раймунд победил альбигойцев, суровых мистиков, чуравшихся радостей жизни, порой фанатичных, а порой слишком уверенных в своей правоте. Как и при любой победе, пострадало множество хороших людей среди побежденных. Папа поставил условие – для закрепления победы надо открыть в Тулузе университет, чтобы богословы проповедовали здоровое учение, умели аргументировать и показывали, каким должно быть настоящее богословие без крайностей.

Университет Монпелье возник по-другому: в этом городе давно уже учили и медицине, и юриспруденции, и свободным искусствам – достаточно просто было объединить эти школы. Так университет Монпелье, возникший путем слияния, стал одним из важнейших центров европейской медицины на много веков, но и философии тоже и вообще всяких вольностей на границах искусств – там учились Франсуа Рабле, поэт-астролог Мишель Нострдам и его брат Жан Нострдам, юрист, прокурор Прованса, написавший биографии трубадуров.

В 1290 году открывает свои двери университет в Лиссабоне: португальский король Диниш I, сам будучи трубадуром, любил искусства, и университет учредил с целью наладить экономику страны. Ему не нравилось, что люди постоянно судятся из-за земельных участков, не могут организовать ярмарки, шантажируют друг друга, и поэтому нужен университет, чтобы его выпускники решали все споры своим авторитетом.

В Испании первый университет в Саламанке в 1218 году был преобразован из школы при кафедральном соборе, где учили богословию будущих клириков. Король Альфонсо IX, будучи неудачлив в войнах и дипломатии, решил укрепить единство страны, создав сначала первый в континентальной Европе парламент, а потом и свой университет, который должен был готовить клириков для всего королевства. Парламент и университет стали двумя институтами, распространявшими одинаковые нормы церковного и гражданского права на земли всего королевства.

В Неаполе в 1224 году университет создал просвещенный император Фридрих II, в бытность еще сицилийским королем. Это был первый полностью бюджетный университет: сту-

денты не платили за обучение, жильем и питанием их обеспечивал король. Это был также первый университет, созданный без благословения папы: Фридрих II пользовался любой возможностью унижить папу. Целью этого учебного заведения было: создать систему права для всего мира и поддерживать ее с помощью выпускников-юристов. Фридрих II серьезно думал о господстве над всеми землями бывшей Римской империи, и даже больше, и отчасти преуспел. Он короновался в Иерусалиме и получил власть над половиной Европы.

Так как юристы должны были действовать в разных ситуациях и среди разных слоев общества, то кроме права они серьезно изучали риторику, учась переубеждать друг друга. Страстный охотник, астролог, собиратель книг и покровитель искусств Фридрих II запретил гражданские войны, повелев сносить замки тех, кто участвует в них, и отменил множество былых аристократических привилегий, а всем, кто выступал против, велел отрезать язык и сажать на кол – ведь они не умеют толково говорить и четко придерживаться своей деятельности.

Разные страны – разные университетские и философские традиции

Были университеты, открытые для распространения томизма – системы Фомы Аквинского. Труды Фомы Аквинского, такие как «Сумма богословия», были революцией в способе изложения материала: раньше «суммами» назывались конспекты, а теперь это было развернутое сочинение с аргументами и инструментами на все случаи жизни. Так был создан, например, по представлению Жана IV Бабанга, герцога Бургундского, университет в Лувене (нынешний бельгийский Лёвен) в 1425 г., просуществовавший без перерыва до Великой французской революции. Профессором медицины в Лувенском университете был Фризиус (1508–1555), создатель точных глобусов и астрономических инструментов, учитель знаменитого английского мага и алхимика Джона Ди. Этот университет был центром янсенизма, аскетического движения, к которому принадлежал философ Блез Паскаль (1623–1662).

Некоторые университеты были основаны прямо в революционной буре, как, скажем, Лейденский университет, созданный в 1575 году Вильгельмом Оранским, предводителем Нидерландской буржуазной революции. Лейденский университет стал в XVII веке центром реформаторского богословия, и так как это богословие надо было отстаивать, то был налажен выпуск защищаемых в университете диссертаций – так появилась издательская фирма Эльзевиров. Эльзевиры потом перебрались в Амстердам, отчасти из-за того, что оттуда легче было переправлять в католическую Европу запрещенные папской цензурой книги, от протестантских трактатов до комедий. Те из этих книг, которые нужно было доставить во Францию, публиковались с ложным указанием «Кёльн. Издатель Пьер Марто», как будто они изданы в католическом мире.

В странах Европы, где не сложилось системы университетских корпораций, имеющих поддержку городских коммун, монашеских орденов и всей церковной системы в рамках действующего канонического права, а не личных начинаний отдельных епископов, высшее образование складывалось иначе. Православный мир, от Валахии до Московии и от литовско-белорусских земель до греческих общин передней Азии и Грузии, равно как Армения, Эфиопия и другие страны восточной христианской традиции, создали альтернативу университетам. Для учебных заведений этого мира было важно, не в каком правовом поле они существуют, но каким риторическим способом они себя позиционируют, отстаивая и тем самым право на существование. Ритуалы сравнения себя с учебными заведениями древности и других стран, снискание благоволения государя и города заменяли им правовые основания независимости.

В греческом мире под турецким игом было два способа создать университет: скопировать итальянскую модель, например Падуанского университета, где училось множество греков, или создать свой вариант академии как места, где осваивают самые сложные курсы философии и богословия. Второй вариант преобладал в славянских землях, так как позволял лучше контролировать эти заведения и превращать их в экспертно-административную службу при государственном или церковном аппарате. Тогда как греки могли еще равняться на школу великой церкви в Константинополе, задачи которой были растворены в задачах церковного управления: учиться в этой школе означало учиться быть чиновником или церковным ритором, а не приобретать знания, которые потом можно применять в разных местах.

В 1622 году в Риме была создана Конгрегация пропаганды веры, одной из целей которой стало печатание догматических книг на всех языках, включая восточные, а равно как и создание униатских церквей со своими учебными заведениями. В греческом мире этому проекту Рима противостояли с большим трудом: ведь нужно было и создавать не менее привлекательную интеллектуальную программу, и доказывать непрерывность греческой философии и богословия от Платона. Вся тяжесть создания новых учебных планов легла на плечи одного

человека: Феофила Коридаллевса (1574?—1646), который реформировал патриаршую школу, а впоследствии создал академию в Бухаресте для детей греческой диаспоры, и потому даже иногда считается «отцом румынской философии».

Феофил Коридаллевс, издатель и интерпретатор Аристотеля, понял главный недостаток образовательной программы Контрреформации: она допускает самостоятельное или под руководством одного преподавателя изучение множества дисциплин, от оснований наук до вершин философии. Контрреформация настаивала на существовании некоего метода, с помощью которого легко можно проходить курс обучения. Греки строго различали «энциклопедию» как систему среднего образования и «философию» и «богословие» как искусство спорить, делать собственные выводы и обосновывать сложные положения, которые не вполне понятны людям с только лишь средним образованием. Следовательно, целью Коридаллевса стало реформирование высшего образования так, чтобы оно меньше всего было похоже на среднее. Для этого надлежало комментировать Аристотеля так, чтобы это было не просто разрешением недоумений, а поводом к дальнейшим систематическим обсуждениям и уточнением уже современных словоупотреблений. На место методического усвоения мудрости было поставлено изобретение высокого стиля философской речи.

Коридаллевс бранил иезуитов, дающих знания отдельными порциями, и призывал учеников «подняться на вершины созерцаний». Тогда они смогут научиться не только строго и последовательно рассуждать, но и ясно мыслить и ярко запоминать прочитанное, и главное, смогут переспорить католиков, показав всю парадоксальную остроту православных догматов.

Еще радикальнее вел себя Георгий Корессий (ок. 1570–1660) с острова Хиос, который хотя и не смог до конца реализовать свою программу, он сделал немало для развития знания в оккупированной Греции. Он считал, что «энциклопедия» вполне может включать в себя все философские знания, включая самые возвышенные, тогда как высшее образование должно быть богословским, систематизируя эти знания исходя из того, что только богословские доказательства работают и в области небесной, и области земной. Программа Коридаллевса была реализована полутора веками позже, когда афонские монахи во главе с Никодимом Святогорцем (1749–1809) создадут на Афоне центр образования. При жизни на Коридаллевса нападали за чрезмерный интеллектуализм в богословии, видя в нем протестанта, для которого нет мистической реальности, а есть только формулировки и символы.

Действительно, многие ученики Коридаллевса, такие как Иоанн Кариофиллис, применяя метод изучения «энтелехий», завершенных существований, к решению канонических казусов (таких, как действительность таинств, совершенных священником-самозванцем), попадали впросак. Но его реформа оказалась успешной в Венеции, где при греческой церкви Святого Георгия действовала грамматическая школа, признанная местными властями. Ученик Коридаллевса Герасим Влахос (1607–1685) преобразовал эту школу, усилив преподавание риторики, чтобы ее выпускники чувствовали себя так же смело, как выпускники любого университета.

Герасим Влахос решил, что власти Венеции подружатся с греками и не будут их обращать в католичество, если греки научатся хвалить не только благоразумие их действий, но и внешние достижения венецианского государства. Своих учеников он учил хвалить Венецию, все ее окрестности и владения, и произносить такие речи перед собранием всей греческой общины с участием представителей венецианского сената. Только после такой речи можно было получить священный сан и разрешение на проповедь, что делало греческое духовенство в глазах венецианцев очень лояльным.

Грамматические школы на греческих островах, подвергнутых сильному итальянскому влиянию, стремились не отставать и тоже учили не только риторике, но и поэтике. Умение сочинять школьные драмы, стихотворные панегирики и другие произведения во славу торжественных событий, таких как юбилей архиепископа, вообще отличали восточнохристианское обра-

зование. Представления могли привлечь меценатов, которым следовало уделять внимание не только итальянской культуре, но и достижениям собственной молодежи.

Как и западная Контрреформация, в лице, например, Суареса, так и восточнохристианская образованность XVII века уделяла особое внимание этическим и политическим трудам Аристотеля, толкуя и перерабатывая их применительно к современной политической ситуации, одновременно обучая студентов работать с оригинальными источниками. В начале XVIII века ситуация в греческом мире переломилась: вдохновляемые успехами Петра I, и рассчитывая, что они войдут в состав православной державы, греки во главе с афинским епископом Мелетием (1661–1714) решили, что актуальны будут география и астрономия – ведь появилась сильная морская держава. Мелетий требовал от учеников совершать паломничество в Иерусалим, не забывая составлять карты, считая, что это поможет сделать будущую империю средоточием хорошо изученных святынь. Соответственно школьные стихи и пьесы стали посвящаться славным людям прошлого, жившим в этих городах, например Дионисию Ареопагиту, как происходившему из Афин.

Только во второй половине XVIII века появились университеты нового, неполитического типа, которые должны были готовить прежде всего просвещенных учителей: Афонская академия (Афониада) и Ионическая академия. На Афоне от учащихся требовали сочинять собственные трактаты, а на Ионических островах – собственные учебники и учебные пособия.

В славянских землях первые учебные заведения, в Остроге, Перемышле, Замостье, Львове, Киеве создавались местными воеводами, с одной стороны, для защиты православия от унии с католичеством, а с другой стороны, для борьбы с протестантизмом и арианством (радикальными сектами, отрицавшими божество Иисуса). Но главное, что воеводы считали нужным укрепить города как центры юридически обоснованного принятия решений. Они советовались с образованными людьми, что позволяло бы сохранять структуры управления даже при военном поражении. Отчасти здесь копировался опыт польских католических университетов, получавших право на сбор средств и приобретение зданий по королевской привилегии. Иначе говоря, польские короли мыслили себя как основные заказчики образования, стремясь к укреплению своего влияния на международной арене и поддержке со стороны ученых разных стран.

Но даже до Реформации в этой части Европы были академии. Так, гуманист Филипп Каллимах Буонакорсо (1437–1496), бежавший в Польшу после ссоры с римским папой, создал в доме местного архиепископа академию, где обсуждали Платона и современную науку. Польский сейм по требованию папы потребовал выдачи Филиппа, но архиепископ заявил, что его дом – часть храма, и поэтому все его жители неприкосновенны. В благодарность Филипп Каллимах написал житие своего покровителя. Во время Реформации Станислав Ориховский, один из друзей Лютера, живший в его доме, также получил покровительство католических епископов: переехав в Перемышль, он создал академию, целью которой было доказать право славян на собственное богослужение, а местным епископам было важно тоже знать о древности своих кафедр, и они помогали ему в этих занятиях. Учиться к нему шли аристократы, но также и просто энтузиасты знаний, создававшие потом начальные школы для бедных и общественные библиотеки. Верность католичеству этот лютеранин доказал своеобразно: он заявил, что Лютер на самом деле просто проверял в дискуссиях верность католического учения и никогда не ратовал против схоластики. Последнее было просто неправдой, августинец Лютер терпеть не мог Фому Аквинского, но если «схоластикой» называть любые процедуры аргументации и преподавания с опорой на источники, понять это слово очень широко, тогда да, и Лютер оказывается схоластом и католиком!

Развитие философского образования в славянском мире

Князь Константин Острожский создает в 1576 году академию (она же коллегия, она же гимназия, она же школа), из которой выходили будущие епископы и гетманы. Ядром этой академии стали польские ученые из Краковского университета во главе с Яном Лятосом, которые были не согласны с календарной реформой папы Григория XIII (1582). Вопрос о календаре для них был вопросом об автономии восточной Европы: так как новый календарь не приняли протестанты, то православные боялись, что, если они примут папский календарь, их никто не будет отличать от католиков в конфессиональных спорах. Поэтому в Острожской академии было хорошим тоном взять что-то из трудов Лютера или Кальвина, чтобы выглядеть оригинально в сравнении с магистралью католического богословия, так действовал, скажем, профессор этой академии, ставший потом патриархом, Кирилл Лукарис (1572–1638), склонявшийся к кальвинизму. Другим греческим профессором академии стал Никифор Парасхесис Кантакузин (?—1607), потомок византийского императорского рода, преподававший риторику в то время, как ректор Даниил Смотрицкий преподавал философию. Главным в философии было усваивать современную систему понятий, чтобы потом издавать полемическую литературу. Введенная в этой академии трехэтапная схема обучения: грамматика – риторика – философия, потом воспроизводилась во всех учебных заведениях славяно-русского мира, включая московскую Славяно-греко-латинскую академию. Ведь все эти заведения мыслились как центры книгоиздания и даже духовной цензуры.

Но было и другое учебное заведение, которое мы бы сейчас назвали элитарным, это академия в Остроге, открытая в 1595 году. Ее основатель Ян Замойский (1542–1605) был одно время ректором Падуанского университета, затем секретарем короля Стефана Батория, великим коронным канцлером и гетманом. Первый ректор, Шимон Шимонович, был учеником великого нидерландского гуманиста Юста Липсия и консультантом патриарха Мелетия Пигаса, в частности он настоял на том, чтобы сохранить старый календарь Юлия Цезаря, и тем самым показать непосредственную связь восточнохристианского мира с древним Римом. В Остроге, как и во Львове, был целый квартал греков-торговцев, так что найти преподавателей греческого не составило труда. В этой академии главное внимание уделялось умению импровизировать, создавая похвальные слова святым: почитание святых защищало от обвинений в протестантизме, а проповеднические импровизации в духе Иоанна Златоуста – от обвинений в католичестве, так как здесь академия обращалась к патристике через голову схоластики, точно так же как гуманисты обращались к Платону через голову Аристотеля.

После заключения Брестской унии в 1596 году, требовавшей от всего духовенства Речи Посполитой подчинения Риму, патриарх Мелетий Пигас, занимавшийся в то время вопросами восточной Европы, выпустил указ, по которому православным священником может стать только человек с высшим образованием. Мелетий исходил из того, что князья станут защищать учебные заведения в своих городах, необходимые им и для репутации, и для влияния в Европе, и для консультаций, и поневоле защитят православие, перешедшее на полулегальное положение. Разумеется, многие местные князья в Речи Посполитой хотели досадить католикам, чтобы отстоять свою независимость от короля или сейма, но вопрос был в том, чтобы они становились православными, а не протестантами. Кроме того, требование диплома о высшем образовании отсекало от служения у алтаря как авантюристов, так и тайных католиков с западными дипломами.

Так как многие города Речи Посполитой следовали Магдебургскому праву, защищавшему автономию корпораций, то был придуман новый тип корпораций – братства, по уставу содержавшие церкви и монастыри в должном порядке и потому имевшие право отстранять от служения священников, которые не оправдали доверия, например распродали церковное иму-

щество. Так как епископы, вступившие в унию с Римом, могли быть признаны расхитителями церковного имущества, то братство получало власть над епископами, а так как протестантизм требовал секуляризации (конфискации в пользу государства) монастырского имущества, братство противостояло протестантизму.

Львовское братство сразу создало свою школу, получив учредительный документ патриарха. Братское богословие имело свои особенности, например оно утверждало чуть ли не тождество греческого и славянского языков, что оказывается политическим приложением аристотелевского учения о единой сущности вещей, различающихся акциденциями (привходящими признаками). При этом латинский язык другой природы, потому что на нем обсуждаются другие богословские вопросы, и только «пресуществление» этого языка, перенос в него православной богословской проблематики, создаст языковое и политическое единство восточной Европы. Другая особенность львовской школы – создание катехизисов, массово распространяемых руководств по основам богословия, написанных в форме вопросов и ответов, как диалоги Платона, тогда как в средневековом христианстве катехизисами назывались проповеди, направленные на желающих обратиться в христианство и объясняющие христианское учение простыми словами.

Князь Константин Острожский купил для школы типографию и обратился к польскому королю с просьбой дать школе статус университета. Князь рассчитывал, что король, побаивавшийся монахов-иезуитов, главных проводников Контрреформации как слишком выполняющих волю Рима, решит для равновесия поддержать православных. Король долго колебался, но так окончательного решения и не принял. Далее львовская школа обратилась за поддержкой к Лжедмитрию во время его похода на Москву, но Лжедмитрий не имел с точки зрения польской короны полномочий действовать на польских землях. При этом все православные высшие учебные заведения Речи Посполитой поддерживали Лжедмитрия, равно как и всех, кто участвовал в походе на Москву, в том числе рассчитывая открыть новые университеты и на московских землях.

После поражения Лжедмитрия и нового подъема Москвы иезуиты взяли реванш и в 1624 году захватили Острожскую академию, преобразовав ее в свою коллегию. Напомню, что иезуитские коллегии стали образцом для нынешних средних школ как первое массовое, а не индивидуальное образование: иезуиты придумали классы, журналы, парты по двое, многочисленные промежуточные экзамены, шкалу оценок и письменные работы. Целью иезуитских школ было объединить учащихся в классы, чтобы управлять их воображением и тем самым создавать широко образованных людей, способных и решать нестандартные задачи, и объединяться вместе, имея опыт объединения в класс, для совместных действий в непривычной и незнакомой обстановке.

Острог пал, а Киев стал подниматься. В Киеве тоже возникло братство, поддерживаемое местными казачьими офицерами, и жена одного из казачьих генералов дала деньги на создание школы. Ректор был приглашен из Львова, чтобы программы обучения были на уровне. В 1620 году гетман Петр Сагайдачный получил от патриарха Феофана документ о ставропигии (прямом подчинении патриарху) киевской школы. Дело в том, что в Киеве служил присланный патриархом православный епископ, которого польская власть не признавала, и казаки решили, что, если все рукоположенные этим епископом священники будут иметь университетское образование, рано или поздно их церковь придется признать.

Киевская академия располагалась, как и некоторые ранние европейские университеты, сначала в монастыре. Первый ректор Киевской школы Исаия Копинский решил, в частности, скопировать для школы устав афонских монастырей, видя в нем несколько преимуществ: в нем предписывалось ежедневное чтение книг, были продуманные часы отдыха, использовались механические часы для расчета времени, наконец, соединялись частые общественные богослужения, а не только раз в неделю, с занятиями по самостоятельной подготовке. В это же

время на афонский устав перешли Львовская академия и ряд монастырей этих земель благодаря епископу Луцкому Исаакию, в молодости жившему на Афоне. Чтобы было что читать, всем детям аристократов, принимавших монашество в Киево-Печерской лавре, было велено жертвовать имущество на закупку книг. Но в Киеве обозначилась одна проблема: в 1632 году сейм, наконец, признал православные братства юридическим лицом во всей Речи Посполитой, и православные епископы и сотрудники их аппарата испугались, что теперь настанет диктатура братств. Тогда в 1633 году сын валашского господаря Петр Могила добился от польского короля признания его митрополитом Киевским и стал действовать решительно, соединив киевскую братскую школу со своей частной латинской школой, копировавшей программы латинских коллегий, в единую академию. Петр Могила разогнал всех епископов, игуменов и профессоров и начал с нуля, снискав, в конце концов, уважение и Кракова, и казачьей верхушки. Особенностью созданной им академии были диспуты по богословским вопросам каждую субботу, в которых должны были участвовать все ученики, а также довольно долгий срок обучения, так как, например, нужно было отдельно изучать поэтику (правила стихосложения, дававшие общую литературную культуру и культуру воображения, как и в иезуитских школах), а отдельно – риторику. На высшей ступени изучалось богословие, причем здесь количество лет не регламентировалось, и в основном требовалась самостоятельная работа – можно сопоставить богословский класс с нашей аспирантурой. Также учащиеся помогали самому Петру Могиле составлять книги. Когда польский король потребовал от Петра Могилы закрыть школу, обвинив ее в протестантизме на основании того, что каждый студент по индивидуальной программе занимается богословием, Петр просто пренебрег этим приказом. В 1659 году, уже после смерти основателя, Академия получила по Гадячскому договору, впервые признавшему политическую субъектность Украины в составе Речи Посполитой, статус университета, причем с обязательством контролировать все прочие школы, чтобы среди профессоров и студентов не было протестантов и ариан (отрицателей Троицы, исходивших из представлений новой науки о начале как отправной точке вещей, на три не делящейся, – таким арианином в Англии был Исаак Ньютон, и в Польше их было довольно много).

Первым университетом в Москве следует считать школу Феодора Ртищева при Андреевском монастыре, открытую в 1649 году. Все профессора учебного заведения были выпускниками братских школ Речи Посполитой. В этой школе философию изучали, комментируя в классе труды Иоанна Дамаскина. Патриарх Никон перевел эту школу в Кремль и опирался на труд ее профессоров и выпускников, выпуская новые издания книг, но неудача его церковных реформ привела и к падению школы.

Потом в Москве создавались только частные школы, которые не могли считаться университетами, так как готовили выпускников только для какой-то одной отрасли. Например, одну из них, для подготовки дипломатов, создал в 1664 году Симеон Полоцкий, в 1667 году при одной из московских церквей открылась школа для будущих проповедников, а в 1679 году патриарх Иоаким основал типографскую школу, которую тоже можно считать отраслевой, ведь типография обладала монополией на выпуск книг в Московском государстве.

Единственная попытка создания университета вне Москвы в допетровское время – школа, созданная в Усолье, в Пермских землях. В эти земли, которыми правила династия Строгановых, иногда по личным обстоятельствам переезжали иконописцы из московских иконописных мастерских, так что неудивительно, что за ними потянулись и книжники. Эту школу открыл священник, привезший из Москвы библиотеку, в которой были книги Симеона Полоцкого и другие учебники, и такой университет начал работать на энтузиазме одного человека.

В конце концов, после множества дворцовых интриг, в Москве в 1682 году открылась Славяно-греко-латинская академия, с которой началась история университетов в нашей стране. Это учебное заведение готовило и типографских работников, и священников-проповедников, то есть как и положено университету – людей разных специальностей. Создатели

академии, братья Иоанникий и Софроний Лихуды, ввели различение специальностей, просто дифференцировав такой предмет, как риторика. Единая наука была поделена на три специализации – божественная риторика, а именно церковная проповедь и составление богослужебных поэтико-музыкальных произведений, героическая риторика, политическое красноречие, помогающее добиться своих целей и избежать политических конфликтов, что нужно политику и дипломату, и человеческая риторика, ставящая целью убедительное решение прикладных вопросов, в том числе подготовки, издания и распространения книг.

Надо заметить, что эта программа вызвала гнев греческого патриарха Досифея, заявившего, что рано или поздно она приведет к тому, что светские политики, дипломаты и предприниматели возьмут контроль над церковью, ведь они все не хуже будут разбираться в богословских вопросах и победят количеством. Иначе говоря, то, что университет в Москве был практически ориентированным, прикладным, даже для грека, соотечественника Лихудов, казалось нарушением не только академических, но и церковных свобод. В 1701 году Петр I ввел подготовку медиков в программу академии, и с этого момента начинается уже большая история университетского образования в России нового времени.

Как профессора и студенты вместе создают философское знание

На Западе постепенное возникновение наций в эпоху нового времени сразу сказалось на задачах университета. Так, в 1661 году французский министр кардинал Джулио Мазарини учредил Коллеж Четырех Наций. Дело в том, что по результатам Вестфальского (1648) и Пиренейского (1659) мирных соглашений к Франции были присоединены Артуа, Эльзас, Пиньероль и Руссильон – пограничные земли с германским, испанским или фландрским влиянием. Кардинал Мазарини решил, что дети аристократов, живущих на этих землях, должны учиться только в этом Коллеже и тем самым приобретать парижские привычки, общаться друг с другом и показывать, что для их дружбы вся Франция едина как никогда. И как кардинал и министр Ришелье, отстроивший Сорбонну, похоронен в часовне Сорбонны, так и кардинал и министр Мазарини похоронен в часовне этого своего Коллежа, ставшего примером университета для единства расширяющейся страны.

Эпоха Просвещения создала свой тип университета, образцом которого был Гёттингенский университет, открытый курфюрстом и будущим королем Великобритании Георгом-Августом в 1734 году. В этом университете большинство студентов специализировались по юриспруденции, но при этом все они изучали философию и основы естественных наук. Особенностью этого университета была огромная библиотека, куда закупались книги по всем отраслям знания, в то время как в других немецких университетах в библиотеке были в основном учебники и комментируемые тексты. Также при университете сразу были устроены обсерватория, анатомический театр, были созданы коллекции минералов, растений и прочих вещей, которые до этого были дворцовыми коллекциями, так как считалось, что все решения по экономике, горному делу или сельскому хозяйству принимаются все равно при дворе. Теперь в университете ставились эксперименты, а это означало, что профессора могут вырабатывать сами нормы развития разных отраслей промышленности.

В 1700 году бранденбургский курфюрст Фридрих I создал научное общество во главе с Лейбницем, которое потом и стало Прусской академией наук. Целью данного общества было облегчить создание научной инфраструктуры, такой как обсерватория, анатомический театр и ботанический сад, чтобы не создавать все эти учреждения по отдельности. В том же Берлине в 1810 году братья Вильгельм и Александр фон Гумбольдт открыли университет, построенный совсем на новых основаниях, чем средневековый: преподаватели должны были не поддерживать готовую норму знания, но вести научную работу и знакомить студентов с самыми новыми научными открытиями. Понятно, что философам в этом университете было раздолье: Гегель мог просто читать лекции о том, о чем думал только вчера, и все увлеченно слушали. Научное знание и чиновничество совершило рывок вперед.

В 1782 году император Священной Римской империи (так еще официально называлась Австрийская империя со столицей в Вене) Иосиф II создает в Будапеште Геометрическо-гидротехнический институт, который должен был готовить инженеров инфраструктуры, способных создавать дороги, каналы, даже новые города. Этот проект был частью распространенных тогда представлений о желательности полицейского государства, иначе говоря, государства, в котором полный порядок, все работает и все вовремя. Профессора были набраны из Горной школы в Банска-Штьявница, открытой еще в 1735 году, – горное дело было особой профессией с полностью автономной инфраструктурой и системой подготовки специалистов. Но Геометрическо-гидротехнический институт уже не был закрытым профессиональным училищем, а настоящим техническим университетом: новые инженеры должны были знать не только физику и практические аспекты ремесла, а архитектуру и экономику, а значит, и основы искусства, и политическую теорию, и географию. Получалось, что инженер теперь становится

широко образованным человеком, знающим все, от современной поэзии до истории путешествий, от химии до планирования расходов. Разумеется, и философия в этом институте была как основание развития естественнонаучного знания.

Еще раз уточним. Также кроме университетских интеллектуалов, клириков выделялись и другие интеллектуалы, принадлежавшие к созерцательным орденам, но в университете не работавшие: скажем, работники скрипториев, где переписывались книги, а потом после изобретения книгопечатания – работники типографий, преподаватели начальных школ, грамматики. Для деятелей Ренессанса «грамматик» было почти бранное слово, означающее человека не творческого, не способного выйти за пределы готовых привычек восприятия окружающего мира. Но Ренессанс создал свой тип интеллектуалов – «антикваров», или «антикваристов» – знатоков древности, коллекционеров, консультантов, которые часто сами были художниками и могли добиваться немалого успеха при дворах, не нуждаясь в университетах. Кроме того, Ренессанс начался в том числе с открытия в итальянских университетах греческих кафедр, благодаря прибывшим из гибнущей Византии грекам, а такие греки могли быть как консультантами при дворах, так и преподавателями, иначе говоря, принадлежность их к университетской корпорации уже не была жесткой. В нашей стране такой внеуниверситетский интеллектуал назывался «начетчик» – знаток церковной книжности, способный проводить уставные богослужения в отсутствие священника, обладающий обычно хорошей памятью.

В новое время кроме внеуниверситетских интеллектуалов, числившихся в академиях и научных сообществах, появились также интеллектуалы-аристократы, объединенные, скажем, масонской ложей – мистическим кругом общения, основанным на интерпретации ряда авторитетных для этого круга источников, разного происхождения, с целью духовного совершенствования. Масон, конечно, мог работать в университете, но способ производства знания в масонстве был другой, чем в университете, текст надо было понять не в его содержании, но в его вдохновении, увидев в знаках ключ к иному, лучшему и духовному миру. По сути, любой авторитетный для этого круга текст оказывался не просто иносказанием (техника иносказаний хорошо известна еще в античности), а подсказкой, призывом к религиозному обращению. Масонский способ чтения противостоит и схоластике, для которой реальность текста – только один из вариантов реальности вещей, и ренессансному филологизму, требующему учитывать контексты и восстанавливать правильные прочтения. Он требовал сразу отзываться на ту реальность, на которую намекает текст, видеть ее поверх текста, а подробности текста понимать не как «историю» в классическом смысле, ученый рассказ, а как «историю» в новом смысле, документ, делающий законными пережитые при чтении чувства.

Глава 3

Патристика и схоластика

Что исследует средневековая философия

Цель средневековой философии – исследование спасения. Эта цель имеет две задачи: выяснить способ существования человека и способ существования творения. Человек оказывается творением, предназначенным к спасению, и этим отличается от других творений, а так как человек ни с чем не сравним, то и спастись он может только в богочеловечестве, а не в простом изъятии воли Бога или его собственной воли. Иначе спасение ничем не будет отличаться от промысла Бога о мире или от тех усилий самосохранения, которые предпринимает любое живое существо или даже любая вещь.

Но если человек – одно из творений, надо выяснить, что есть творение. Творение – это то, что принадлежит бытию-творению, а бытие-творение отличается от бытия-творца. Различие здесь состоит не в отношениях между причиной и следствием, как сочли бы мы, но в самом способе бытия: Бог «есть» бытие, а человек «имеет» бытие.

Фома Аквинский называет существующее «обладающим существованием», «устойчиво существующим». При этом любое существующее, сколь бы оно ни было устойчивым, какими бы не обладало постоянными свойствами, конечно, просто потому, что несовершенно – что эти же свойства вполне могут осуществиться и в другом существовании. Тогда Бог – это тот, кто заранее обладает в себе совершенством всякого существования, сбывается всякий раз как чистое действие бытия и потому не может утратить своего бытия и даже на самую малую часть передать его другому. Поэтому Бог творит мир как что-то другое по отношению к нему: как в плотнике, мастерящем табуретку, нет ничего от табуретки. Единственным особым случаем будет человек: так как он обладает свободой, в том числе свободой добиваться совершенства существования, а не только совершенства исполненности, то он способен обожиться, стать богом.

Средневековое определение истины: «Истина – это соответствие вещи и ума». Ум способен созерцать вещь не просто как некую данность, а как то, что можно постигать в ее самостоятельном существовании. Ум может смотреть, насколько вещь «умна», насколько она может быть предметом умственного постижения. И тогда устанавливается истина вещи, ее способность открыться уму в качестве таковой, а не как мнимость, не как домысел о вещи. Например, мы можем принять издали дерево за человека. Но если мы дальше подумаем, как мы будем общаться с этим предметом, мы определим, что это дерево – с ним мы общаться не можем, и истина его бытия – в том числе в том, чтобы не общаться с нами. Как и в античной софистике Протагора, так и в средневековой философии человек оказывается мерой всех вещей, но не в смысле Протагора, что человек может сам определить, что действительно существует, а что вымышлена, а в том смысле, что, понимая свою сотворенность, самостоятельность или свободу, человек понимает те же самые свойства и во всех вещах.

Средневековую философию делят на два больших периода – патристику (доуниверситетскую философию, от слова «отец», «отец церкви») и схоластику (университетскую философию, от слова «школа»). При этом схоластика начинается раньше, чем появляются университеты, в придворных и церковных школах: на востоке Иоанн Дамаскин (ок. 675 – ок. 753), а на западе Иоанн Скотт Эриугена (то есть Ирландорожденный, ок. 810–877) вполне уже могут считаться схоластами. Эти авторы систематизируют богословское знание, относясь к нему не как к поводу для вдохновения, импровизации и проповеди, но как к предмету вдумчивого и

поэтапного толкования, переработки, сжатого и точного изложения. Но если говорить не о схоластах, которых было немало в разных школах, а о схоластике, буквально «школьном искусстве», или «искусстве быть школой», то ее институционализация происходит на Западе в XIII веке благодаря деятельности Альберта Великого (ок. 1200–1280) и его ученика Фомы Аквинского (ок. 1225–1274).

Схоластика ввела новые, прежде не существовавшие, правила производства знания. Прежде всего знание стало основываться не на воспоминании, не на том, что можно быстро вспомнить нужную цитату, а на устойчивой памяти: в аудитории вместе прочли и откомментировали всю книгу Аристотеля. Исчерпывающий комментарий, с рассмотрением всех попутно возникающих вопросов, заменил прежнюю свободную дискуссию и изучение лишь тех проблем, которые стали вызовом для церкви в настоящее время. Схоласт разбирает не только те вопросы, которые ставили его современники, но и те вопросы, которые могут быть поставлены исходя из самой логики текста.

Далее сами методы обучения становятся другими: истина – это уже не способность ума соответствовать откровению или действительному положению вещей, но постоянное повторение, перечитывание того, что только и может быть признано истинным. Так, лекция как главный принцип схоластического обучения подразумевает, что студенты следят за комментируемым текстом, а то и за комментарием, а цель лектора – показать, что этот комментарий безупречно работает, и значит, истина обладает общеобязательностью и может быть достигнута в любой аудитории.

Греческое слово «схоло», откуда произошло наше «школа», означает «досуг, занятие», как мы говорим «у меня сейчас занятия». Можно понять этот досуг и как отсутствие дел, которое, согласно Платону и Аристотелю, и побуждает к созерцанию, к рассмотрению более общих законов, чем те, которые встречаются нам в частных занятиях. Схоластика – это практика комментирования Аристотеля, возникшая в ответ на другую, арабскую практику систематического комментирования Аристотеля. Для арабских ученых Аристотель был источником истинных формулировок, и целью комментария было как бы «автоматическое» добывание истины. Но для схоластики Аристотель не мог заменить Откровение, и поэтому комментирование становилось жанром: студенты понимали, что именно такие речевые стратегии достигают несомненной истины в изучении такой-то области бытия. Задача схоласта поэтому – понимать, к какому жанру относится его или ее речь, и тем самым поддерживать систематическое получение истины о разных областях реальности.

По сути, уже в схоластике были заложены те основные конфликты, которые сопровождают университетскую философию вплоть до наших дней, включая основной конфликт XX века между англо-американской аналитической философией и европейской континентальной философией. Прежде всего схоластика движется в сторону номинализма, хотя и с большими боями и потерями, а именно, учения о принципиальной условности нашего языкового знака, что в пределе и дает аналитическую философию XX века, утверждающую, что все проблемы философии – от двусмысленности языковых выражений, и если систематически воспроизводить истину в университетских чтениях, можно преодолеть эту инерцию языка и языковых впечатлений. Аналитической философии противостоит континентальная, восходящая к принципиальному многообразию программ европейских университетов. Континентальная философия считает возможным привлекать данные разных наук для построения философской аргументации, указывая, что на философскую догадку может навести любой предмет, а полемика страсть не может ограничиваться только языком, но должна включать в себя и критику мышления, изъянов чувства и рассуждения. Так что критическая университетская мысль и в своих спорах наследует изначальной ситуации схоластики.

Как была устроена речь философа в средние века

О некоторых из номиналистов сложены анекдоты, например имя Уильяма Оккама (1285–1347) все вспоминают как автора «бритвы», тезиса «не умножай сущности без необходимости», то есть при объяснении явлений ограничивайся только необходимыми причинами и данными, а его ученика Жана Буридана (ок. 1300–1358), тоже профессора Сорбонны, помнят благодаря «буриданову ослу», который никак не может сделать выбор между двумя равно аппетитными и равно отдаленными стогами сена.

На самом деле, Оккам рассуждал примерно так: Бог может всё, но не делает всего, что он может. Значит, у Бога есть «интеллектуальная интуиция», какие-то собственные идеи нравятся ему больше, а какие-то – меньше. Но так как эти общие понятия предшествуют воле Бога, то мы не имеем права познавать общие понятия прежде единичных вещей, это будет противоречить воле Бога. У нас нет божественной интуиции, наша интуиция ограничивается отдельными вещами. Но как мы тогда познаем мир? С помощью «подстановок» (суппозиций) – например, хотя мы все разные, все мы люди, и понятие «человек» подставляется под вещь, указывая и на единство человеческого рода, и на возможность взаимопонимания между людьми. А, например, «мир существует» – тут тоже «подстановка», потому что мир существует иначе, чем существует Бог или чем существует отдельная вещь в мире, он существует как существование вещей, указывая, что вещи не только относятся к каким-то категориям, но и с вещами разных категорий можно производить сходные операции, например их познавать.

Буридан пошел еще дальше – сама интуиция появляется только потому, что вещи приведены в движение, иначе бы вещи покоились, и нам бы всматриваться в них не захотелось. Бог стал рассматривать собственные замыслы по созданию вещей только потому, что в нем самом есть любовь, а любовь требует иногда импровизировать. А мы, познавая вещи, познаем не просто их причины, но те параметры, по которым вещь пришла в движение. Например, познавая растение, мы познаем не только его рост, но и способность увянуть. Примера с ослom в самих сочинениях Буридана нет, да и он, скорее всего, сказал бы, что животный инстинкт сразу бы повел осла питаться. Просто Буридан говорил, что свобода воли непознаваема, потому что ее параметры уже всегда в движении, это уже активная позиция, а аналитика свободной воли приведет к утверждению ее невозможности – а иллюстрацию с ослom придумали позднее.

Главная научная проблема патристики, говорившей об умопостигаемом при каждом удобном случае, но не сосредотачивавшемся на нем, – благодать, как именно она дается человеку, если она от Бога исходит даром, как подарок, то как можно судить, что человек принял этот дар. Этот спор, как можно понять дар, опираясь только на философские понятия, а не на поэтические образы, продолжается до сих пор.

Так, в 1999 году об этом поспорили два французских философа, Жан-Люк Марион и Жак Деррида. Марион настаивал на том, что дар – особая форма существования данности, в некотором смысле все, что нам дано в мире, досталось нам даром, и дар отличается от простой данности только своей активностью, что он поражает, восхищает, радует. Есть анекдот, как покупатель вернул в магазин елочные игрушки, заявив, что они некачественны, потому что не радуют – вот это позиция Мариона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.